

Раздел VII

МУЗЕЙ В КУЛЬТУРЕ УЧАСТИЯ

В. Б. Королева, Е. К. Леденцова

Екатеринбург

Культура участия как «хорошо забытое старое»

В настоящее время *культура участия* (*participatory activities* — букв. ‘совместная, общая деятельность’) все более продвигается вперед, наступает, постепенно заменяя собой культуру потребления. Базовое определение того содержания, которое вкладывается в *participation*, было дано UNICEF¹ в 2006 г.: «У людей есть свободное право включаться в социальные и культурные процессы и содействовать развитию, и они делают это добровольно, деятельно и с полным пониманием происходящего» [цит. по: 1, с. 8].

В российской музейной среде понятие *культура участия* активно используется с 2011 г. Наиболее ясно и четко данное явление проанализировано в сборнике «Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия» (М., 2012), составленном участниками творческой группы «Музейные решения» Анной Щербаковой и Натальей Копелянской [4].

Культура участия предполагает различные уровни и формы продвижения в социуме. Один из авторов упомянутого сборника Д. Агапова отмечает, что «культура участия — молодой побег на старых корнях. Это концепт относительно новый для музейного мира, но давно существующий в сфере политической и общественной деятельности. Музеям (в особенности американским) он отчасти знаком по волонтерскому движению. Сегодня культура участия становится и основной зоной развития музея как института, и своего рода интеллектуальной модой. Ее стремительный взлет связан с бумом новых социальных интернет-технологий, то есть с возникновением множества ресурсов, которые развиваются за счет пользователей, инвестирующих в них свое время, внимание, знания, умения и чувства. Эти ресурсы, называемые Web 2.0, обладают существенным

¹ Детский фонд ООН (англ. United Nations Children's Fund; аббр.: офиц. рус. ЮНИСЕФ; англ. UNICEF) — международная организация, действующая под эгидой Организации Объединенных Наций.

преимуществом перед традиционными формами односторонней трансляции информации: они становятся тем лучше, чем больше число их пользователей» [1, с. 8]. Д. Агапова развивает несколько тезисов о принципиальной и неизбежной смене модели взаимодействия культурных институтов с обществом, о важности различения понятий *participatory activity* и *интерактивность*, о том, что именно музеев становится в обществе проводником культуры участия.

В этом же сборнике статей опубликованы фрагменты статьи Рождера Харта «Участие детей: от симуляции к полноправию» [8], в которой он приводит схему «лестницы участия»², могущей стать подспорьем музейным сотрудникам для работы над проектами в формате культуры участия.

К базовым материалам по культуре участия также следует отнести статью «Лицом к лицу с вызовами культуры участия» [12]. Ее автор Генри Дженкинс из Массачусетского технологического института «анализирует сферу отношений новых цифровых медиа и системы образования», замечая, что «генеральные выводы могут быть полезны и для музеев. Он призывает не рассматривать культуру участия только как продолжение развития интернет-технологий. По его мнению, самым существенным выводом из анализа нового типа информационных отношений должно быть понимание тотальности современного культурного сдвига, ключом к которому и становятся механизмы участия» [1, с. 11].

Интерактивные компьютерные технологии, несомненно, поддерживают развитие культуры участия, однако она к ним ни в коем случае не сводится. Возможно, историки еще придут к выводу о том, что развитие технологий было не причиной, а, наоборот, следствием новой конфигурации культурных сил. Собственно ответом на «вызовы культуры участия», по Г. Дженкинсу, и должна стать способность институтов культуры и образования принимать системные решения, касающиеся осмысления базовых оснований своей деятельности.

Сегодня, как и три года назад, на интернет-запрос «культура участия» порусски выводятся в основном ссылки на сайты, которые связаны с политическим активизмом или, применительно к музеям, значение понятия расшифровывается как «умение вести себя, принимая участие в культурном событии», как «интерактивность». Кроме того, по данному запросу предлагается ссылка на pdf-файл с указанным выше сборником [4]. Это в очередной раз свидетельствует о том, что музей как консервативная институция по-прежнему долго и трудно поддается изменениям.

Однако настолько ли категорично неизвестны или чужды музейному работнику перемены, связанные с переориентацией на формат культуры участия? Или все же это «хорошо забытое старое»? По сути своей, принципы культуры участия хорошо знакомы многим сегодняшним музейным сотрудникам: почти вся

² Схема «лестницы участия», пишет Р. Харт, «была создана специально для того, чтобы попытаться описать философию детского участия в проектах через типологизацию. Метафора “лестницы участия” взята из статьи об участии взрослых, но некоторые категории появились именно в данной работе» [8, с. 22].

социальная сфера в России строилась именно на основе данного принципа, хотя и без использования специальной формулировки, означающей в переводе 'совместная, общая деятельность'. Многие годы люди без всякого эпатажа делали общее дело, пользуясь своими навыками общения.

Сегодня можно констатировать, что происходит переосмысление опыта предыдущих поколений и вклада российской краеведческой науки в культуру участия. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, вышедшие в последние годы научные издания [см., напр.: 6; 3; 4], посвященные данному вопросу, с другой — обращение к идеям и взглядам религиозного мыслителя-утописта конца XIX в., представителя русского космизма Н. Ф. Федорова. Так, например, сборник статей «Собор лиц», изданный Государственным Эрмитажем совместно с СПбГУ [6], открывается ссылкой на слова Н. Ф. Федорова: «Музей есть не собрание вещей, а *собор лиц* (курсив наш. — В. К., Е. Л.); деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями» [7, с. 343]. По мнению Федорова, отмечает А. А. Никонова, музей — «это широкое теоретическое понятие, включающее в себя все охранные и объединяющие стратегии человеческой культуры, и поэтому реальный музей, о котором Федоров также пишет, есть лишь одна из форм бытования социокультурной стратегии» [5, с. 11].

Обширные материалы о философе, а также его работы «Музей, его смысл и назначение», «Выставка 1889 года» приводятся в книге «Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков» [3]. Основные идеи философа, в том числе касающиеся миссии музейного дела и того, что в последствии получит название *культура участия*, отражены в труде «Философия общего дела». По словам Федорова³:

Музей есть последний остаток культа предков; он — особый вид этого культа, который... восстанавливается в виде музеев [339];

Уничтожить музей нельзя: как тень, он сопровождает жизнь... Всякий человек носит в себе музей, носит его, даже против собственного желания... ибо хранение — закон коренной, предшествовавший человеку, действовавший еще до него. Хранение есть свойство не только органической, но и неорганической природы, а в особенности природы человеческой [с. 340];

С одной стороны, музей есть образ мира, вселенной видимой и невидимой, умершего и еще живущего, прошедшего и настоящего, естественного, произведенного слепую силою, а также и искусственного, произведенного полусознательною силою народов;

Нынешний музей — это как бы книга, поясняемая демонстрациями... без которых непонятна книга (т. е. музей. — В. К., Е. Л.), как и сами эти предметы непонятны без книг... Книга (музей. — В. К., Е. Л.) же есть история; но это значит, что в книге нужно видеть не одни лишь личные, субъективные мнения: в ней выражается сам автор; за книгою стоит сам написавший ее, т. е. род человеческий [с. 345];

³ Ниже Н. Ф. Федоров цитируется по изданию [7] с указанием страницы в скобках.

Музей и с предметной стороны есть (совокупность лиц), само человечество в его книжном и вообще вещественном выражении; т. е. музей есть собор живущих сынов с учеными во главе, собирающий произведения умерших людей, отцов. Задача музея поэтому естественно восстановление последних по первым [с. 346];

Музей есть выражение памяти общей для всех людей, как собора всех живущих, памяти, неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц [с. 348];

Музей заключает в себе всю науку о человеке и природе [с. 349];

...Музей не может быть ни читальнею, ни зрелищем; он не должен служить для пониженного, так называемого популярного образования... музей становится между учеными, производящими постоянную, систематическую работу исследования, и всеми учебными заведениями; посредством их он собирает всех неученных и все младшее поколение, чтобы ввести их в область исследования... Иначе сказать, музей есть исследование, производимое младшим поколением под руководством старшего [с. 350];

Он может быть открыт для всех только путем учения; вход в него ведет чрез учебные заведения, чрез которые только и может производиться собрание, так как воспитание и есть само собрание [с. 350].

Весьма актуально для сегодняшнего дня звучат слова Федорова о том, что «музей станет восстановлением жертв прогресса в ту пору, когда борьба заменится согласием, объединением в деле восстановления, в котором единственно и могут примириться партии прогрессистов и консерваторов, борющиеся от начала истории» [с. 339].

В нынешнее время немало внимания уделяется краеведению, в частности, его пытаются «обновить», используя при этом формулировки «новое» и «старое краеведение». Между тем, по словам Д. С. Лихачева, «чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения, в том, что у него нет “двух уровней”: для специалистов и для широкой публики. Оно само по себе популярно и существует постольку, поскольку в его создании и потреблении участвуют массы» [2, с. 8].

Краеведение относится к комплексным наукам; в самом его названии заключено и его определение. Краеведение изучает природу, историю, хозяйство, население края, его культуру, быт, то есть данная область знания близка таким наукам, как историография и география, археология и искусствоведение, этнография и др. Однако в отличие от последних краеведение не только изучает, но и оценивает значимость событий, памятников, уникальность пейзажей, выявляет как особенные на фоне остальной страны черты края, так и типологические. Таким образом, краеведение — это комплекс дисциплин, различных по содержанию и методам исследования, но нацеленных по своей сути на научное и всестороннее познание края.

Важной особенностью краеведения является то, что оно предполагает не только процесс изучения, то есть не только научную составляющую, но

и активную деятельность: с одной стороны — созидательную, направленную на сохранение природных и культурно-исторических богатств края, а с другой — популяризаторскую, открывающую нечто совершенно новое и ценное для широкой публики. С. О. Шмидт отмечает:

Краеведение — это и научная и научно-популярная деятельность определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо края, определенной местности... Это и метод познания от частного к общему, выявления общего и особенного, метод, опирающийся, как правило, на междисциплинарные научные связи;

Краеведение — это и форма общественной деятельности, причем такой, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и значительно более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей [9].

Сегодня мы можем вспомнить, проанализировать, проинспектировать и модернизировать известные с давних пор формы краеведческой работы с общественностью, вычлечь формальный подход — и в итоге получить культуру участия в действии.

Исторически многие музеи формировались именно в духе культуры участия. Как пример можно привести УОЛЕ, ЕМИИ, ОМПУ, другие музеи. «Литературный квартал» Екатеринбурга также возник благодаря работе в формате культуры участия (но тогда еще не использовался этот термин); первые научные конференции, посвященные творчеству Д. Н. Мамина-Сибиряка, были проведены совместными силами музея и УрГУ в 1941 г.

Долгое время наша страна жила культурой участия — это была неотъемлемая составляющая общественно-культурной деятельности. И по сегодняшний день в своего рода генетической памяти музейных сотрудников жива именно та культура участия, на которой строилась музейная работа, а многие проекты, называвшиеся тогда «мероприятиями», развивались и воплощались в формате добровольной совместной деятельности.

Используя современные технологии, возможности мультимедиа, новые достижения и инструментарий гуманитарной науки, вполне возможно реализовывать проекты различной сложности и самого разнообразного формата участия. Главное — желание и умение вкладывать собственные человеческие ресурсы в общее дело сохранения российской культуры.

Как нам представляется, стратегия позиционирования региона в качестве своеобразного литературного произведения, «уральского текста», выведения на первый план имен уральских писателей и поэтов могла бы быть весьма плодотворна. В силу литературоцентричности русской культуры образ истории России во многом является именно литературным, поэтому литературный музей может взять на себя задачи сценирования территории, построения региональных сюжетов так, чтобы реальность литературного произведения вторгалась в современное пространство города.

«Литературизация или беллетризация» региона [11, с. 139; см. также: 10] может способствовать решению задачи конвертации реального капитала

в символический и соединению культурных возможностей музея, киноиндустрии, информатизации, исторической реконструкции. Воплощать подобные идеи следует через партнерские проекты, которые будут реализованы в формате культуры участия, когда музеи и другие учреждения культуры объединяют свои усилия, приглашают в проект жителей региона и вместе «устраивают увлекательное, познавательное, интересное и веселое путешествие по жизни» [11, с. 139].

Имея такую сокровищницу, как литература Урала, мы можем, объединив усилия, осмыслить, структурировать, освоить и драматургически выстроить культурную жизнь города, региона и т. д. Вкладывая личные человеческие ресурсы в реализацию различных проектов, мы будем продолжать наше «общее дело».

Литература

1. Агапова Д. Культура участия: миллионы диалогов // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. М., 2012. С. 8–20.
2. Лихачев Д. С. Любить родной край // Отечество : краевед. альм. М., 1990. Вып. 1. С. 8.
3. Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. док-тов и материалов / Рос. ин-т культурологи ; отв. ред. Э. А. Шулепова. М., 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/09/09/44/09094444.a6.pdf> (дата обращения: 13.06.2015).
4. Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / творч. гр. «Музейные решения» ; отв. ред. А. Щербакова, сост. Н. Копелянская. М., 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CB0QFjAAahUKewiuydza04zGAhXnD3IKHQ-0ANQ&url=http%3A%2F%2Fmuseumsolutions.ru%2Findex.php%2Fcomponent%2Fphocadownload%2Fcategory%2F1-books%3Fdownload%3D1%3Aмузей-как-пространство-образованиya-igra-dialog-kultura-uchastiya&ei=vR98Ve72NeefyAOP6IKgDQ&usq=AFQjCNHl3id6XVaJ2E2sxko5DWx8K6vhvw&bvm=bv.95515949,d.bGQ&cad=rjt> (дата обращения: 13.06.2015).
5. Никонова А. А. Согласие ученого и неученого // Собор лиц : сб. ст. СПб., 2006. С. 7–16.
6. Собор лиц : сб. ст. / С. -Петербург. гос. ун-т, Гос. Эрмитаж ; под ред. М. Б. Пиотровского и А. А. Никоновой. СПб., 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.philosophy.spbu.ru/upload/userfiles/files/sobor.pdf> (дата обращения: 13.06.2015).
7. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков : сб. док-тов и материалов. М., 2010.
8. Харт Р. Участие детей: от симуляции к полноправию // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / пер. Н. Копелянской. М., 2012. С. 21–28.
9. Шмидт С. О. Краеведение — это всегда краелюбие // История. 2004. № 22 (724) (8–15 июня) [Электронный ресурс]. URL: <http://his.1september.ru/2004/22/4.htm> (дата обращения: 13.06.2015).
10. Щербакова А. А. Литературная карта России: регион в поисках своего героя // Музей и регион : сб. ст. Лаборатории музейного проектирования. М., 2011. С. 157–175.
11. Щербакова А. А. Роль литературных музеев в формировании образа региона // Литературный музей в современном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2011.
12. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century / Н. Jenkins, R. Purushotma, M. Weigel, K. Clinton, A. J. Robison. Cambridge, 2009.